

Посвящается Клоду Мепледу

Переводчик выражает огромную благодарность Андрею Портнову за высокопрофессиональные консультации по поводу всего, что имеет отношение к IT-технологии, что позволило переводчику не выглядеть тем чайником, коим он на самом деле является.

Помни об этой ночи, она залог
бесконечности.

Данте Алигьери

Свет, находящийся в нас, стал
тьмю. И тьма, в которой мы
живем, стала ужасна.

Лев Толстой

ПРОЛОГ

Июль 2016 г.

Встреча была назначена в дешевой гостинице в Мениль-Амло, в паре километров от взлетных полос аэропорта Шарль-де-Голль. Для Элен и Бертрана Лесаж, супружеской четы, чья семейная жизнь до того протекала без особых встрясок, следующие минуты должны были стать решающими. Их машина стояла в глубине паркинга с потушенными фарами. Бертрону уже не сиделось на месте.

— Наташа должна приехать через пятнадцать минут. Я пошлю ей номер комнаты, как только окажусь внутри.

И хотя Элен Лесаж ждала этого дня целую вечность, одного слова мужа было бы достаточно, чтобы она все бросила. Слишком рискованно, слишком ненадежно. И как можно довериться этой Наташе, которую они никогда не видели? Все, что они о ней знали, сводилось к обмену несколькими электронными письмами.

— Мы еще можем развернуться и уехать.

Бертран вертел в руках толстый конверт — пять тысяч евро купюрами по пятьдесят, плод двухлетней экономии.

— Нет. Мы уже давно бьемся. Пожалуйста, Элен, избавь нас от этого. Мы перебрали все возможности, другого способа нет, ты и сама понимаешь.

— Но мы же ничего о ней не знаем! У нас ни малейшей гарантии, ни малейшей уверенности! Все произошло так быстро! Ты отдаешь себе отчет?.. А если она исчезнет?

А если... ну, не знаю, если она будет пить или колоться во время...

— Мы уже это обсуждали. Мы готовились несколько недель, отступать больше нельзя. И потом, я сниму видео. По крайней мере, хоть какие-то следы останутся.

— Кошмар какой-то.

Он погладил ее по щеке. В трудные моменты это всегда действовало на нее успокаивающе.

— Я вполне осознаю, какие жертвы нам предстоят. Я все знаю, Элен. Но скажи мне, вот прямо сейчас скажи, что ты не хочешь этого ребенка. Скажи, и мы откажемся от этой затеи.

Элен не нашла в себе сил ответить, тогда Бертран сунул конверт в кожаную сумку и вышел из машины.

Вдалеке виднелись взлетно-посадочные полосы. Раскалившийся за день бетон медленно остывал и теперь играл отблесками уходящих за горизонт белых и красных ограничительных огней.

Бертран прижал сумку к бедру и направился к мрачной гостинице. Автоматический ключ с номером комнаты ждал его в ячейке. Чтобы вступить во владение номером, то есть четырьмя безликими стенами с мебелью и занавесками мышиного цвета, следовало набрать код, выданный машиной. Настоящая нора для транзитных пассажиров. Бертран поставил электронный будильник на тумбочку под телевизором, прямо напротив кровати. Прогресс не остановить: в совершенно невинный на вид предмет была встроена снимающая в высоком разрешении видеокамера с широкоугольным объективом и вставлена рассчитанная на много часов записи карта памяти. Он включил устройство, нажав на кнопку «Будильник», затем набрал на своем мобильнике сообщение и отправил на адрес *natacha.nat@gmail.com*. Его корреспондентка отличалась болезненной осторожностью и не пожелала дать ему номер своего телефона.

Я на месте. Комната номер 22.

Бертран принялся расхаживать взад-вперед. Через пять минут он всерьез задумался о том, чтобы все бросить и свалить вместе с женой. Не подавать больше признаков жизни, не отвечать на мейлы, которые Наташа будет слать, не найдя никого в назначенном месте.

Спустя двадцать минут в дверь постучали. Наташа ответствовала своему описанию: темноволосая, среднего роста, маленькие, глубоко посаженные голубые глаза расположены слишком близко к вздернутому носику. «24 года», — указала она, на шестнадцать лет младше его. Девушка не из тех, на кого он оглянулся бы на улице, но и не противная с виду. На ней были хлопчатобумажные брюки свободного покроя и бежевый свитер с длинными рукавами.

Она протянула правую руку, прижимая другую к телу. Они поздоровались. В смущении Бертран не знал, что сказать, и она взяла инициативу на себя:

— Все будет хорошо, договорились? Я уже два раза это делала. И теперь люди, которые мне доверились, самые счастливые родители на свете. У вас результаты анализа с собой?

— Анализ... а, да.

Бертран передал ей документ, свидетельствующий, что заражения ВИЧ-инфекцией не обнаружено. Она села на кровать, лицом к камере, и углубилась в чтение. Он разглядывал ее. Длинные темные волосы, немного непропорциональное лицо — левая скула чуть ниже правой. Дырочки у основания ноздрей и на мочках ушей наверняка остались от пирсинга, который она, конечно же, сняла, чтобы выглядеть более презентабельно. Кто она такая? Откуда? Почему сдает напрокат свой живот? Только ли ради денег?

Элен права: оказаться здесь, с этой незнакомкой, которая станет ни больше ни меньше как биологической матерью их будущего ребенка, полное безумие. Но разве французские законы с их бесчисленными противоречиями оставляют им право выбора?

Взамен она протянула ему результаты анализа крови месячной давности. Свою фамилию и адрес, а также название лаборатории она замазала черным фломастером. Бертран отметил, что все показатели близки к указанным нормам, что подразумевает общее хорошее состояние здоровья. Но он ведь не врач и, в сущности, ничего в этом не понимает.

— А как я могу быть уверен, что это ваши результаты?

— Вопрос доверия. Ведь нас привело сюда именно доверие, верно?

Все началось двумя неделями раньше, на форуме медицинского сайта, зарегистрированного в Бельгии. В результате долгих поисков Бертран и Элен нашли там объявления, размещенные женщинами из Франции.

Я Наташа, молодая незамужняя женщина 24 лет, великодушная и с широкими взглядами. Хотела бы помочь супружеской паре обрести счастье стать родителями, предложив выносить их ребенка. Веду спокойный, размеренный образ жизни. Я предоставляю свою яйцеклетку, но хочу, чтобы вы знали: это будет ваш ребенок, а не мой. Я рожу во французском роддоме, таким образом вы сможете избежать всех административных проблем, а я в точности опишу порядок действий, который обеспечит получение вами ребенка.

Если мое предложение вас заинтересовало, напишите на мой электронный адрес: natacha.nat@gmail.com.

За этим последовал обмен письмами по электронной почте, который и привел к встрече: у Наташи начался период овуляции, что давало благоприятный промежуток для действий.

Пара решила довериться телу незнакомки просто потому, что они не смогли найти другой выход. В двадцать пять лет Элен перенесла операцию по удалению матки. После четырех лет бюрократической волокиты на заявление об усыновлении пришел отказ. Они обегали все учрежде-

ния, выясняя, что законодательства различных стран говорят относительно вынашивания третьим лицом, и все безрезультатно. Сколько супружеских пар пытались связаться с иностранными агентствами — как, например, с теми, кто использовал в качестве суррогатных матерей украинок, — и в результате были задержаны на границе с запретом на ввоз ребенка на территорию? Сколько детей рождались у американских женщин, а потом им отказывали во французском гражданстве? Ни документов, ни школы, ни социальной защиты... В последние годы государство усилило контроль и больше не шло на уступки. Бертран знал это: мошенникам и контрабандистам пришлось столкнуться с последствиями.

Потом они слышали о возможности прибегнуть к услугам французской суррогатной матери: достаточно было порыться на франкоязычных форумах. Админы сайтов, зарегистрированных во Франции, — *doctissimo.com*, *aufeminin.com* — отслеживали и удаляли нелегальные объявления, но их коллеги в соседних странах были более снисходительны.

Установив прямую связь с суррогатной матерью, они перешли к обсуждению денежных вопросов. За все надо платить: и за живот, и за «предоставленную» яйцеклетку. Суррогатное материнство запрещено на территории Франции, но закон можно обойти, если у тебя есть необходимые деньги, чтобы оплатить матку, а главное, крепкие нервы. Вот уж чего Бертрану жестоко не хватало.

Наташа почувствовала это и попыталась его успокоить:

— Расслабьтесь, а то ничего не получится. Деньги в сумках по пятьдесят у вас с собой?

Он кивнул, по-прежнему застыв на месте. У него еще оставались вопросы, но теперь, стоя перед ней, он чувствовал себя сбитым с толку и неспособным вспомнить, что следует делать дальше. Она порылась в сумочке, протянула ему пипетку в упаковке и пару латексных перчаток.

Через двадцать минут Бертран по-прежнему оставался в ванной. Она потеряла терпение:

— Ну что там?

— У меня не получается!

— Только не говорите, что вы никогда не дровичи. Не будем же мы торчать здесь всю ночь...

Наконец он появился, с мокрым лбом и наполненной спермой пипеткой, зажатой в правой руке между большим и указательным пальцем. Наташа тоже натянула перчатки. Она сидела на краю постели, спустив трусики до щиколоток. Влажность в комнате, неловкость ситуации, исподтишка снимающая камера... На Бертрана нахлынуло смешанное чувство грусти и стыда, особенно когда женщина сунула пипетку между ног, погрузила ее во влагалище и впрыснула содержимое. Он заметил рубцы на ее ляжках. Старые порезы? Разрывы?

Ну все, дело сделано... Заметив, как внимательно он разглядывает ее рубцы, она быстро натянула трусики и брюки.

— Аванс...

Бертран вручил ей содержимое кожаной сумки. Она взвесила пачку и не стала пересчитывать.

— Отлично. Я свяжусь с вами позже по мейлу. Если прилипло, я пошлю вам УЗИ с датой наступления беременности, но только одно. Если же нет, встретимся снова и начнем сначала.

— А почему только одно УЗИ? Мы же...

— Я вам уже объясняла: матери, собирающиеся отказаться от ребенка, получают медицинское обслуживание, только удостоверив свою личность. И не забудьте: никогда никому об этом не рассказывайте.

Она разломала пипетку на мелкие кусочки, бросила остатки в унитаз и спустила воду.

— Официально вы изменили жене и у нас был незащищенный секс. Это же не запрещено, верно?

— Верно.

Она в последний раз взглянула на него и пошла к двери. Бертран протянул руку, словно хотел удержать исчезающий призрак.

— В своих мейлах вы пишете то «Наташа», то «Натали». Это не ваше настоящее имя... Я даже не знаю, как вас зовут.

— Зовите меня и пишите мое имя, как вам вздумается. Так будет лучше.

И, не сказав больше ни слова, она испарилась.

Следующие недели были для их семьи окутаны черными тучами тревоги и страха. Сначала они решили, что их элементарно облапошили, потому что Наташа не давала о себе знать. В вечер оплодотворения она пришла в гостиницу пешком и ушла так же. У них не было ни малейшей возможности отыскать девушку. Ее объявление исчезло с форума уже вечером, сразу после их встречи. Мейлы, которые пытался отправить ей Бертран, возвращались обратно с пометкой об ошибке: «*Адресат неизвестен*». Единственное, чем они располагали, было видео, а значит, лицо Наташи. Ну и что с этим делать? Обращение в полицию исключено, они попались, и Наташа это знает. Ссоры стали многочисленными и бесконечными и едва не положили конец восьми годам их супружества. Конечно, они потеряли деньги, но куда тяжелее было то, что они потеряли надежду вырастить ребенка.

К концу третьего месяца пришло спасительное сообщение с электронного адреса, почти полностью идентичного первому: *natalia.nat@gmail.com*. Так они узнали, что их ждет ребенок, темная, едва различимая фасолинка на единственном снимке УЗИ. Это хрупкое существо, желанное вопреки всякому здравому смыслу, существовало.

И тут наступило время, когда супруги принялись непрестанно убеждать себя и друг друга в правильности своего выбора. Нет, это не торговля человеческим существом или какая-то иная форма эксплуатации, а совершенно законное

желание, как у всякого другого, иметь и любить ребенка. Почему женщине, у которой из-за рака вырезали матку, отказано в праве быть матерью? Элен не представляла себе ни жизни, ни смерти без любви к дочери или сыну. То, в чем им отказали природа и Франция, они взяли сами.

Обретение ребенка требовало жертв. Покинуть Париж и круг друзей, чтобы избежать многочисленных вопросов, которые, без всякого сомнения, возникнут при появлении новорожденного. Выдержать трудные объяснения с родителями и описать ситуацию, поставив их перед свершившимся фактом. Бертран начал искать новое место коммерческого представителя где-нибудь в провинции и нашел такое километрах в ста к югу от Парижа. Они оставили свою квартиру в Двадцатом округе и сняли дом в Саране, недалеко от Орлеана. Элен не вернулась к своей работе помощника управляющего: будущий младенец обеспечит ей сто процентную занятость.

Они взяли потребительский кредит в двадцать тысяч евро. По своим кредиткам они снимали каждую неделю по четыреста евро и прятали наличные в коробку из-под обуви, засунутую в укромный уголок на чердаке. У Элен начались приступы паранойи, она убеждала себя, что весь мир в курсе их тайны. Она твердила, что в один прекрасный день явится полиция, чтобы отобрать у них ребенка, а их самих бросить в тюрьму. Бертран успокаивал ее, в надежде, что присутствие младенца положит конец его мучениям.

По прошествии шести месяцев они начали обставлять детскую для будущего младенца. Дочки или сыночка? Этого они не знали. Они выбрали зеленые обои и купили коляску-трансформер, которую и поставили в центре комнаты. Элен не носила ребенка, но в глубине сердца переживала всю гамму чувств будущей мамы. Ей случалось спать, прижимая к животу подушку, словно она хотела уже сейчас защитить малыша и передать ему материнскую любовь. Ни одной ночи не проходило без мыслей о ребенке.

Последний мейл пришел в первый день весны 2017 года, истинный знак судьбы. Наташа родила на прошлой неделе, на две недели раньше срока, она заранее написала отказ от ребенка. Мальчишку, сына, предел их мечтаний. По ее словам, все прошло хорошо, без малейших осложнений. *Как по маслу*, написала она. Ребеночек получился вполне упитанный и среднего роста.

Наташа назначила Бертрану встречу в Люксембургском саду в Париже в половине восьмого вечера, на следующий день после получения послания.

Кроме нескольких бегунов, в холодном парке никого не было, и она ждала одна недалеко от теннисных кортов, зябко потирая руки в тонких кожаных перчатках. Беременность, а потом роды обвели ее глаза темными кругами. Коротко остриженные и теперь обесцвеченные волосы обрамляли округлившееся лицо с мертвенно-бледными щеками. В крыльях носа и на мочках ушей теперь сверкал пирсинг. Бертран едва узнал Наташу, но ему неудержимо захотелось сжать ее в объятиях — несмотря на стресс и бессонные ночи, причиной которых она была, ведь она приютила и сберегла в своем лоне сына. Их сына: Элен и его.

— Спасибо...

Она не смогла его оттолкнуть, потом протянула ему фотографию:

— Мне удалось тайком его снять.

Взглянув на нечеткую фотографию, Бертран почувствовал, как к глазам подступают слезы. Младенец с плотно закрытыми глазами лежал в кувезе, раскинув в стороны крошечные ручки. Он был ангельски красив. Бертран подумал, что мальчик похож на него. Ему бы так хотелось прижать ребенка к себе, услышать, как он плачет, почувствовать его тепло. Он спросил, можно ли оставить фотографию себе, но она вырвала снимок у него из рук:

— Это будет моим единственным воспоминанием о нем. Я оставлю ее себе.

Она внимательно осмотрелась и направилась в сторону рощицы.

— Еще раз объясняю, что надо делать дальше. Вы должны неукоснительно следовать моим указаниям, если не хотите накликать на себя проблемы. Понятно?

— Понятно.

— Я назову вам три имени ребенка, координаты больницы и дату рождения в обмен на двадцать тысяч евро, которые вы мне должны. Они у вас?

— Они здесь. В купюрах по пятьдесят, как вы хотели.

— Отлично. С этой информацией вы сначала отправитесь в любую мэрию, чтобы составить заявление о признании отцовства. Чиновник в бюро регистрации актов гражданского состояния не сможет вам отказать, потому что вы делаете свое заявление без принуждения, по доброй воле. Ясно?

— Ясно.

— Но тот же чиновник может начать расследование, если почувет неладное. Вы должны оставаться спокойным, вести себя естественно. Вы запомнили историю, которую я вам написала в мейлах? Легенду, которую вам придется повторять всем, кто будет задавать вопросы?

— Да... Я познакомился с вами в командировке, около восьми с половиной месяцев назад.

— В начале июля. Будьте точны.

— В начале июля, да. Мы немного перебрали с выпивкой, в гостинице у нас случился незащищенный секс. Я знал только ваше имя, Наташа, но оставил вам свой номер телефона. Я не получал от вас никаких известий, кроме одного, три месяца назад, когда вы сообщили, что беременны и я отец...

— Продолжайте.

— Вы не смогли сделать аборт, потому что заметили слишком поздно. Вы сообщили мне, что собираетесь подписать отказ, потому что не желаете иметь никакого отношения к этому ребенку. Но вы не хотели лишать меня воз-

возможности стать отцом и сочли своим долгом проинформировать меня о рождении ребенка.

Наташа кивнула и остановилась. Втянув голову в плечи, она внимательно следила за всем, что происходит вокруг. Бертран ощущал ее страх. Вызван ли он темнотой и скользящими среди деревьев тенями? Или она боялась идти одна с такой крупной суммой денег?

— Отлично, именно так и говорите. А теперь давайте покончим с этим.

Бертран передал ей сумку, набитую купюрами по пятьдесят евро. Она бросила в нее беглый взгляд, осторожно пощупала несколько банкнот, потом запихнула сумку под куртку.

— Три имени, которые я ему дала, — это Лука, Антуан и Виктор. Он родился в роддоме больничного центра в Осере, 17 марта в 9 часов 10 минут. На данный момент его, возможно, уже передали в социальную службу защиты детей, и, по всей логике, в ожидании усыновления он должен находиться в яслях Эрмитажа, недалеко от больницы. А если не в них, то пойдите в больницу и спросите, но других яслей в Осере все равно нет. Отправляйтесь в ясли сразу же, как только получите свидетельство об отцовстве. У вас есть два месяца, считая от даты рождения, чтобы предъявить свои права. На счет «раз» они не отдадут вам ребенка, а проведут социальное расследование, это нормально. Сначала выяснят у вашей жены, какие соображения толкают ее на то, чтобы принять в семью ребенка, рожденного в результате супружеской измены. Спросят, насколько серьезно ваше собственное намерение оставить младенца себе. Найдите убедительные аргументы.

Бертран молча кивнул. Он сумеет выстоять и защититься. Он знает, как тяжело ребенку расти без отца. Своего он никогда не знал.

— Ничего не говорите ни о вашей просьбе об усыновлении, ни о неспособности жены зачать ребенка, иначе си-

туация покажется подозрительной, и они начнут разносить, понятно?

— Понятно.

— Потом ребенок будет ваш. Получит новое свидетельство о рождении, где вы будете фигурировать как отец. У него будет ваша фамилия.

Она подняла воротник, засунула руки глубоко в карманы:

— Я дам вам один совет: старайтесь быть как можно незаметнее с этим ребенком. Спокойно живите своей жизнью, старайтесь растить его как можно лучше, а главное — не привлекайте к себе внимание. Никогда. Поменьше света. Вы понимаете? Свет может привлечь тени...

От ее последних слов Бертран похолодел. Воздух вдруг показался ему слишком свежим.

— Тени? Какие тени?

Еще раз оглядевшись вокруг, она заколебалась и добавила:

— Он особенный, этот ребенок. Ваша безвестность будет ему лучшей защитой.

И совершенно так же, как почти девять месяцев назад, она, даже не обернувшись, ушла, в день, последовавший за наступлением весны. Бертран смотрел ей вслед, и внезапно его потрясло ощущение глубокой уверенности: эта женщина умирает от страха.

Часть первая
АНГЕЛ

Ноябрь 2017 г.

Беспокойное черно-пепельное небо нависало над Парижем уже дней десять, поливая его одним из тех бесконечных дождей, капли которых падают, как кинжалы. Как раз то, что требуется, чтобы вас прикончить, если вы умудрились сохранить немного тепла в глубине сердца. И все потому, что именно это время года обозначало переход от жизни к смерти, от света к тьме, и зашкаливало по количеству самоубийств, гастроэнтеритов и мучительных болей в коленях.

Франк Шарко ненавидел осень. Подняв воротник непромокаемой парки до самых ушей, в башмаках, тонущих в пропитанном водой перегнутом, он в одиночестве брел по лесу Бонди, в пятнадцати километрах к востоку от Парижа, в департаменте Сена-Сен-Дени. Он свернул в сторону от дорожек, проложенных для прогулок, и теперь пробирался через более густую растительность, болото бурых папоротников в непролазной грязи, двигаясь в направлении прудов. Его жена Люси и лейтенант Паскаль Робийяр возились здесь уже пару часов: вдали, между голыми стволами дубов и буков, среди других, Франк различал две их промокшие фигуры.

Около восьми утра один из любителей утренних прогулок поднял тревогу: его бельгийская овчарка вдруг ки-

нулась в чашу, застыла и принялась безостановочно лаять. Увидев, что она нашла, мужчина немедленно набрал телефон жандармерии. Вызов сначала поступил в местный комиссариат Олнэ-су-Буа, затем, ввиду особой гнусности и географической зоны преступления, — в парижскую бригаду уголовного розыска. Поскольку Шарко был на совещании у руководства судебной полиции, Паскаль Робийяр, их процессуалист¹, по распоряжению прокурора Республики дал делу ход. На место прибыла служба криминалистического учета, чтобы обеспечить неприкосновенность зоны и установить оборудование для первых исследований научной полиции. День обещал быть долгим и мокрым.

Шарко поприветствовал весь честной народ, в том числе копов из Олнэ и любителя прогулок с его собакой. Серые и замкнутые лица под дождем. Люси дрожала в своей черной куртке с капюшоном, который не помешал светлым прядям ее насквозь промокших волос прилипнуть к щекам, порозовевшим от холода. Франк помахал ей рукой:

— Почему копы никогда не берут с собой зонтов? Нет ничего постыдного в том, чтобы раскрыть зонтик, когда идет дождь. Это что? Вопрос мужественности?

— Скорее, сострадания жертвам. Им холодно, ну и нам тоже. — Люси кивнула на яму в пяти метрах от них: — Не лучшее зрелище.

На месте преступления техники вбивали колышки, устанавливая навесы — белые палатки с заостренными крышами, чтобы надежнее защитить и зону, и тело. Под проливным дождем их задача, непростая даже в идеальных условиях, превращалась в преодоление полосы препятствий.

¹ *Процессуалист* — специалист по процессуальному праву, здесь: член группы, отвечающий за бюрократические процедуры. (Здесь и далее примечания переводчика, за исключением отдельно оговоренных случаев примечаний автора.)

Шарко попросил у капитана из службы идентификации разрешения пройти за оградительную ленту, натянутую вокруг ямы, и приблизился к ней, пробравшись по размеченной вешками тропинке через папоротник орляк и ломонос. Прежде чем нырнуть в бездну, он закрыл глаза. Таков был его ритуал. Даже после двадцати девяти лет оперативной работы первый взгляд на место преступления представлял собой напряженный момент в жизни копа. Он был обещанием новой охоты, мощной дозой героина, про который заранее известно, что со временем он тебя разрушит. Шарко любил такие моменты не меньше, чем ненавидел, а этим утром был уверен, что возненавидит. Потому что на него лились потоки воды, и он со своими людьми барахтался где-то в чаще леса, а подобные преступления, совершенные не пойми где, оказывались самыми неподатливыми для расследования.

Труп обнаженного мужчины лежал в грязной жиже на дне прямоугольной ямы площадью метр на два и около полутора метров глубиной. В тусклом свете ноябрьского утра можно было различить, что это тело, белое, точно едва распустившаяся лилия, покрывали рваные фиолетовые раны и глубокие разрезы, особенно на руках и груди, под дождем ставшие черными и блестящими. В животе на уровне печени зияла дыра, и наполовину вывалившийся из нее орган выглядел как дьявольский язык.

Человек был неузнаваем. Лицо словно расплавилось, не давая Шарко определить возраст. Пустые глазницы казались бездонными, как пропасть. Несмотря на свое состояние, полувсплывшее тело наверняка было довольно свежим — максимум двенадцать часов. Первые признаки разложения еще не проявились, и, хотя печень торчала наружу, обычно падкие на такое угощение черви пока отсутствовали.

Шарко оглядел набрякшие от воды стены ямы, подпертые шестью деревянными щитами, которые не давали им

обрушиться. Работа минера, четкая и точная. Франк прищурился и переместился на метр влево. Заметил застрявший в дереве крошечный кусочек чего-то, в виде серпа. Ноготь? Во всяком случае, похоже. Он вернулся к рукам жертвы, слишком черным от грязи, чтобы различить детали.

Коп постарался не ступить за пределы ограничительных вешек и подошел к жене. Заметил широкую фанерную доску чуть подальше.

— А это что?

— Крышка могилы.

Шарко вытер дождевые струи, заливающие лицо. Он уже мечтал о доброй чашке горячего кофе. Пикник они здесь, в лесу, устраивать не будут, но проваландаются еще четыре-пять часов как минимум. Впрыскивания кофеина просто необходимы, для того и предназначались прислоненные к дереву термосы.

— Эй, иди глянь.

Люси подвела его к доске. Указала на кучу мертвых листьев и вырванной жимолости. Пахло влажным деревом, гнилью, вывороченной землей, словно лес хоронил сам себя.

— Вырванные растения и листья понадобились, чтобы скрыть доску, которую положили поверх углубления. К счастью, у собаки оказался хороший нюх, иначе тело гнило бы здесь много дней, пока его не нашли. Эта яма не вчера тут появилась, и сделана она не наспех. Ее следовало выкопать, укрепить щитами. Эти штуки тяжелые, их сложно переносить, за пару часов не справишься. Мы в глухом углу, вдали от тропок. Создатель ямы хотел быть уверен, что его тайник не найдут.

От их курток разлетались фонтаны ледяных брызг. Лес, где в погожие дни любили прогуливаться семьями, поздней осенью приобретал зловещий вид со своими голыми деревьями и образовавшейся межзвездной пустотой. Шарко до упора застегнул молнию на куртке жены: